

Названия трав в «Назирателе»

«Назиратель» как никакой другой памятник русского языка XVI в. и более раннего времени богат названиями растений — полевых, огородных, садовых культур, деревьев, дикорастущих травянистых растений. Последние представляют особый интерес как источник для лингвистических исследований. «Названия диких растений, кустарников и деревьев в отличие от злаковых культур встречаются в древнерусской письменности крайне редко или вовсе отсутствуют, что весьма затрудняет лингвогеографические исследования в этой области. Наличие в современных говорах огромного количества диалектных особенностей в этой отрасли лексики все же позволяет предполагать, что какая-то часть таких диалектизмов древнего происхождения»¹.

«Назиратель», доступный благодаря изданию широким кругам исследователей, восполняет в какой-то мере недостаток исторических данных и позволяет продолжить наблюдения, расширив круг лексики этого плана, привлекавшей внимание исследователей истории русского языка. Чаще всего это были названия деревьев — береза, ель, дуб, тополь, ива, черемуха, вяз, липа, верба, рябина, осина, ракета, клен, явор, бук, плющ, сосна, полевых и огородных растений — жито, овес, пшеница, просо, рожь, горох, лук, хмель² и единичные названия кустарников —

¹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, с. 554.

² См.: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 51—52; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 152—156; Коткова Н. С. Очерки по истории лексики русского полеводства. Автореф. канд. дис. М., 1971, и др.

волмина, травянистых растений — *лѣпѣкъ, оушь* ³. Названия трав в русском языке изучались преимущественно на основании говоров и сопоставимых данных других славянских языков ⁴, прежде всего потому, что такие названия редки в ранних памятниках и появляются в большом числе лишь в травниках XVII в., в которых подытоживались накопленные к тому времени сведения о практическом использовании растений, особенно лекарственных. «В это время в Москве было уже немало аптекарских огородов или садов, где выращивались лекарственные травы» ⁵. Названия таких трав, достаточно известных читателю того времени, как правило, не имеют толкований, разъяснений, касающихся внешних примет растения. Поэтому на основании контекста не всегда можно установить значение этих слов, даже если мы имеем возможность проследить их употребление в нескольких памятниках, так как одни и те же растения на разной территории имеют разные названия. «Народные названия растений можно подразделить на две части: одни из них устойчивы на обширной территории, имеют незначительное число синонимов или не имеют их вовсе (ср. такие слова, как *крапива, щавель, лебеда, хвоц, папоротъ*), другие, напротив, очень неустойчивы, имеют огромное количество синонимов (50—100)» ⁶. Вследствие этой множественности названий одно и то же название в разных местностях может быть отнесено не к тому же самому, а к родственному или просто чем-то похожему растению, а иногда и к нескольким растениям одновременно. Например, в белорусском, по свидетельству И. И. Носовича, лопухом называлась «вообще широколиственная трава и в особенности мать-мачеха» (Носович, 271). «Если названия культурных растений отличаются подчас даже большей детализацией, чем научная номенклатура, то названиям дикорастущих свойственна большая обобщенность и неопределенность» ⁷.

«Назиратель» интересен не только тем, что в нем много редких названий дикорастущих, но также тем, что этот

³ См.: *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 552—557.

⁴ См.: *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.

⁵ *Баранов П. А.* У истоков отечественной ботаники. М.—Л., 1953, с. 6.

⁶ *Меркулова В. А.* О некоторых принципах этимологии названий растений. — В кн.: *Этимология.* М., 1964, с. 76.

⁷ Там же, с. 72.

переводной памятник, оригинал которого теперь нам известен, позволяет проследить, чему соответствуют русские названия в польском тексте и более точно установить значение русских слов. Польский текст также является переводным с латинского или итальянского⁸. Поэтому в ряде случаев мы привлекали для сравнения латинское издание труда П. Кресценция — *Opus ruralium commodorum Petri de Crescentijs. Strassburg, 1486*, которое хранится в Отделе рукописей БАН (I-182). Хотя это издание представляет иную редакцию по сравнению с наиболее близкой польским изданиям⁹, в отношении интересующей нас лексики, как показывают сопоставления, расхождений между этим изданием и польскими сравнительно мало. Вместе с тем возможность привлечения латинских соответствий русским названиям в данном случае весьма облегчает разыскания. Латинский язык был, как известно, языком средневековой науки, и формирование научной ботанической номенклатуры происходило на основе латинского языка. Именно латинские названия сохранились до сих пор и являются неотъемлемой частью научной классификации растений.

Названия растений интересны не только с точки зрения общей исторической лексикологии и истории культуры. В «Назирателе» они привлекают внимание как лексика, предоставляющая важные сведения для решения ряда вопросов, связанных с историей памятника, в частности неясного пока что вопроса о месте перевода труда П. Кресценция на русский язык.

Особенностью «Назирателя», которой нельзя в данном случае пренебречь, является то, что в нем отмечено присутствие лексических элементов, нетипичных для русского языка, соответствия для которых можно найти в украинском и белорусском языках. Привлечение для сопоставления украинских и белорусских названий растений помогает установить, какое именно растение имеется в виду, а также расширить и уточнить наши представления о языке «Назирателя». Названия дикорастущих, как

⁸ *Wlodek J. Krescentyn króla Zygmunta Augusta. Kraków, 1926, с. 8.*

⁹ Назиратель. Изд. подгот. В. С. Гольшиенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1973, с. 12, примеч. 19, с. 22, примеч. 47.

уже упоминалось выше, более других варьируются территориально, а поэтому очень удобны для наблюдений, связанных с установлением диалектных особенностей языка этого своеобразного и исключительно ценного памятника русского литературного языка XVI в.

Из названных выше устойчивых, широко распространенных названий в «Назирателе» упоминается *лебеда*: корысти ж иные или овощи шгородные емлютъ х кормѣ без корениа, и рѣжѣт ихъ при землѣ ножемъ. а иныхъ толко листовъ требѣемы. коли доростѣт как то есть **борага лебеда** и капѣста. (л. 195); польск. *łoboda* (Кг. 1549, 204). Значение слов в русском и польском совпадает (*łoboda* — *Atriplex*, лебеда. Потоцкий, 279). Однако в «Назирателе» употреблен общерусский, а не южнорусский лексический вариант, который подсказывал польский текст: *лободѣ* юж. (Даль II, 623), орл.-кур. *лобода*, мдр. блр. *лобода* (Преображенский, 440); *лобода*, *лобідка* — лебеда, *Chenopodium atriplex* (Пискунов, 127). широко употребительно слово *лобода* и в украинском, где распространены в том же значении также производные от этого слова — *łobodeńka*, *łobodyca*, *łobodyna* (Маковицкий, 48)¹⁰.

На предыдущем листе в «Назирателе» упоминается название, производное от слова *лебеда*, но обозначающее, по всей видимости, другое растение. Если о *лебеде* говорится как о «корысти», «овоще», то *лебедка* рекомендуется в качестве средства против муравьев: а коли бы мѣравли добрѣ вредили в огородѣ, и штого всѣ погинѣтъ коли срдце совино бѣдет вложенѣ до мѣравища. или столчи лебедкѣ из сѣрою потрѣсити дѣрю гдѣ мѣравли лѣзѣт и ходят. (л. 194), польск. *lebiotkę* (Кг. 1549, 203). Можно думать, что имеется в виду одно из двух родственных растений — душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L., или полевая мята, *Mentha arvensis* L. При этом названии Потоцкий указывает не одно, а несколько растений: 1) *lebiotka*, *lebiotka* — *Origanum*, душица; материнка; 2) *lebiotka kretęńska albo pontska* — *Origanum dictamnus*, диптам критский (Потоцкий, 272); 3) *polej* — *Mentha*

¹⁰ В латинско-украинском ботаническом словаре С. Маковецкого обобщены данные украинских словарей, собранные в разных районах Украины, при этом украинские слова даны в этом словаре в транскрипции, которую мы здесь и далее сохраняем.

pulegium, полей, мята сердечная; polój dziki polnu (biała lebiodka, polna miętka) — дикий полей, полевая мята (Потоцкий, 482).

В «Назирателе» слово *лебедка*, вероятно, заимствовано из польского, так как среди русских и украинских названий соответствующих растений его не находим. Оно легко могло быть переосмыслено в тексте — среди разновидностей лебеды некоторые имеют резкий неприятный запах, например *Chenopodium olidum* — свиная лебеда «вонючая, навозная, селедочная трава, жминда» (Даль II, 241).

Примечательно, что оба раза *лебедка* упоминается вместе с *мятой*, однажды даже как близкородственное: пересаженитам же или перемененитам мѣста, дерева и травы переменяют свои образ. иногда в частех нѣкихъ, а иногда все потому что едино переменитса въ дрѹгое инаго родѹ, сие бываетъ или для стѹжи мѣста. или для иные нѣкоторые причины. и тѣм же образ (см. образомъ) *лебедка* бѣлаа переменяетса в' *мятѹ*. (л. 77), польск. w miętke (Кг. 1549, 68). Эти растения сближались и в украинском языке: «Мята. Мята, трава. Душица (Mentha)» (Біл.-Нос., 233).

И в другом месте, где говорится об огородных и садовых вредителях, которыми считаются муравьи, черви — «костяницы», мыши, кроты, и где *лебедку* рекомендуется употреблять против муравьев, также упоминается *мята*: *цедыръ влоскій*. сѣянными (*так!*) меж шгородными угоди не допускаетъ родитиса меж ними никаких вещей вредныхъ. то ж дѣлает *мята*. а болши меж капѹстою различно саждена. (л. 194—194 об.), польск. miętka (Кг. 1549, 203).

Истари *мята* сохраняет это название как в русском (Даль II, 375), так и в украинском языке — mn'ata, m'pato, m'ata, m'atka, m'ato, m'atva, m'eta (Makowiecki, 230), *мята* (Пискунов, 141), *мъята* (Тимченко, 214). Украинскому языку было известно и название *мятка*, близкое к польскому miętka, не сохранившему в русском тексте «Назирателя».

Упоминаемый на л. 194 одновременно с *мятой* «цедыр влоский» — в «Назирателе» описка или искажение польского сусег wloski (Кг. 1549, 203). Должно быть, в польских средневековых книгах, написанных на латинском языке, слово sicer употреблялось в нескольких значениях. Одно из них, очевидно, не совпадает со значением этого слова в «Назирателе»: «Cicer. . . Tátárka |

Griká niektorzi zowa» (Lex. Maçz. 52). Близкое к нашему контексту употребление и значение находим в Варшавском словаре при синонимичных названиях: «Cieciorka . . . Cieciorka bot. a) ciecierzysa, cieciarka (c i s e r) g r o s h w ł o s k i, roś. z rodziny motylkowatych. Gatunki: C. dzika a ciecierzyczka (C. silvestris); C. polna (c. a r i e t i n u m)» (Варш. сл. I, 322, разрядка наша. — *P. B.*). *Cicer arietinum* L. — нут (Станков, Талиев, 282; Киселевский, 37; Энци. с.-х., 538). Описано свыше 60 различных разновидностей нута. Какая-то из них имеется в виду и в «Назирателе». Интересно, что в той части труда П. Кресценция, которая осталась не переведенной на русский язык, есть глава с названием «O ciecierce» (Кг. 1571, 177) с изображением этого растения, о котором говорится, что оно «из рода гороха, плоское как чечевица, но однако оно растет на три грани: одна белая, как у гороха, а другие немного красноватые бывают», далее сообщается, какие нужны условия для его выращивания и следуют рекомендации употреблять его для корма скоту и людям, «в особенности челяди и работникам», отмечаются даже его преимущества перед горохом.

Вместе с лебедой как съедобное, полезное, «корыстное» растение на л. 195 упоминается *борага*, польск. *borag* (Кг. 1549, 204). Слово заимствовано через польский из средневековой латыни, где оно было известно в нескольких локальных вариантах — *boraginus*, *borragine*, *borago*, *bugache*, *burrich* (Du Cange I, 703). В старинных польских травниках встречается в форме *bórak*, *burak* (Linde I, 147). Например, в польской рукописной книге XVII—XVIII вв. «*Księga ratunkow zdrowia y inszych rzeczy potrzebnych*», хранящейся в Отделе рукописей Львовской государственной научной библиотеки (Осс. № 1991 I): *Na trzęsienie y kołatanie serca. Kordyake, tęskność trasynek serdeczny wziac liscia y wierzchołkow melisy, kwiatkow wołowego języka, boraku, bazyliykoweg nasienia* (л. 115). *Wołowy język* — это народное польское название того же растения (Linde I, 147; Потоцкий, 44), известного еще под названием *ogórecznik lekarski* (Podbielkowski, 223). Подбельковский сообщает, что растение это изредка встречается как огородная культура, распространившаяся из Средиземноморья. У нас оно известно как *бурачник*, *огуречная трава*, *Borago officinalis* L. (Энци. с.-х., 554; Киселевский, 24), в украинском его называют *бурачки*,

бурачник, *бурячник*, *гирочник* (Маковиеcki, 60), *огирочник* (Пискунов, 163), *огирбчник* (Тимченко I, 274), в белорусском также *агурочник*, *агурэчник* (Киселевский, 24).

В «Назирателе» дважды упоминается *репей*, слово широко распространенное и общеизвестное. По наблюдению В. И. Даля, «несколько растений с колючими головками носят это название, но более *Lappa tomentosa* — лопух. . . затем и разные виды колючего дедовника. . . чертополох, мордвинник. . .» (Даль III, 1677). Упоминаемые в «Назирателе» *репей* и *репей великий* названы среди полевых трав, свидетельствующих о плодородии почвы, «которые широтою и тѣсностію листа и кочаня своего добрѣю землю и плодови́тѣю показывают»: сего ради подобает вѣдати что сицевата земля с прирочения есть къ хлѣбѣ всякомѣ, и къ ржи своетвенната и подобающата, которая самоволно родить хлѣбѣ (Кг. 1549 — chebd) **травѣ толстѣю ситовѣ травѣ. коникови репей копани** (Кг. 1549 — ѳоріан) **слѣз просѣврки. репей великии стрѣлки. свинѣю вошь. щавели** і иные травы сѣм подобные. (л. 162).

В польском тексте в этих случаях соответствия неодинаковые. Названию *репей* соответствует *rzepik* (Кг. 1549, 139), *репей великий* — *rzep wielgi* (Кг. 1549, 139). Оба слова могут быть употреблены в том же значении, что и русское *репейник* (П.-р. сл., 524). Однако *rzepik* употреблялось в польском и в другом значении — *Agri-noplia eupatoria* (Потоцкий, 552), растение, как раз отличающееся «тучностью кочаня» — «с коротким толстым корневищем» (Трав. раст. I, 462). Оно растет на лугах, на опушках, вдоль полей и дорог, распространено у нас в европейской части страны. Можно допустить, что в польском тексте имелось в виду именно это растение, если принять во внимание, что рядом упоминается синонимичное *ѳоріан* (в русском тексте искаженное — *копани*). Это слово было искажено скорее всего переводчиком¹¹, очевидно, оно было незнакомо ему. Слово *лопан* употребляется на юго-западе Белоруссии как название лопуха — «*Arctium tomentosum* Mill. — лопух» (Киселевский, 17—18). Польское слово *ѳоріан* употреблялось в трех значениях: 1) *Arctium Lappa* L. — лопух, 2) *Raphanus rapha-*

¹¹ В «Назирателе» есть и другие искажения, обусловленные большим сходством букв k и ł в польском издании 1549 г. См. об этом: Назиратель, с. 40.

nistrum L. — полевая редька (Потоцкий, 280) — растение, имеющее съедобные корни (Трав. раст. I, 428), 3) Brassica gara (Doroszewski VII, 1476). Оба последних растения по внешнему виду напоминают сурепку. Вероятнее всего, одно из них и имелось в виду при польском *łorjan*, так как упоминаемое ниже название *gzer wielki* было синонимичным слову *łorjan* именно в первом его значении — *Arctium lappa*, лопух (Потоцкий, 552). Следовательно, только *repей великий* в соответствии с польским текстом относится в этом контексте непосредственно к растению *Arctium lappa* L. В латинском издании 1486 г. перечень растений и их порядок в этом перечне несколько отличаются от соответствующего места в польском издании, но одна параллель — *lappas* (Кг. 1486, 31), несомненно, имеет соответствие в польском тексте.

Следует заметить, что в украинском языке распространена другая форма этого названия — *репьях* (Біл.-Нос., 314; Пискунов, 223; Тимченко, 141), Маковецкий упоминает также *геріj*; белорусская форма — *рапей* (Киселевский, 17—18).

Перечень трав в приведенном выше контексте (л. 162) начинается с искажения, которое делает малопонятным все высказывание, приобретшее характер тавтологии, — хорошо родит хлеб та земля, которая «самовольно родит хлеб». Между тем в польском тексте *ktora dobrowolnie rodzi chebd* (Кг. 1549, 139) слово *chebd* соответствует латинскому *ebulus* (Кг. 1486, 31). Здесь *chebd* — многолетняя трава *Sambucus ebulus* (Linde I, 237), достаточно известная в Польше, применявшаяся в быту (Варш. сл. I, 274 — «*używane do kapieli*») и как лекарственное растение (Doroszewski I, 844). В упомянутой выше польской рукописи из собрания Оссолинских находим целую главу о лечебных свойствах растения, из которой приведем начало: *Hebd. Roście na wsiach lada kędy na wiosne korzonki iego koraia, skorki z nich zdeymuia, y na słońcu susza. Jagody saś pod ieśeń, bo tam doyrzewaią. (так!) do Roku tulo bywa w swey mocy chowany. . .* (Кс. rat., л. 37). У нас оно растет как сорное на полях и огородах на западе и юго-западе европейской части и в других южных районах, известно под названием *бузина травянистая* (Трав. раст. 2, 190), *селеник*, *бузник* (Даль IV, 172). Переводчику или переписчику название *хебд*, вероятно, не было известно.

В том же контексте «Назирателя» *trava толстая* скорее всего не является названием какого-то определенного растения и должно быть понято в соответствии с польским *trawę miąszszą* (Кр. 1549, 139) — *miąszsza, miąższa* — как 'густая трава', а в «Назирателе» истолковано как 'тучная трава'. Оба толкования не противоречат латинскому *gramen pingue* (Кр. 1486, 31).

Польское *sitowie* (Кр. 1549, 139) переведено составным названием *ситова трава*, может быть, в результате нечаянной перестановки названий в их перечне, так как в польском тексте *trava* входит в сочетание *густая трава*, которое следует в издании далее и отделено от предыдущего названия чертой: *sitowie | trawę miąszszą*. Но можно допустить, что это сознательное исправление польского перевода, который не совсем точно передает латинский текст, если здесь может идти речь об их соответствии. Растение *sitowie*, *Scirpus lacustris* L. (Потоцкий, 562; Doroszewski VIII, 241) — камыш озерный (Трав. раст. I, 258), растет в реках и озерах и не растет на полях. Растение *sitowa trawa, kościeniec* (Потоцкий, 562) — мелкий или крупный папоротник с собранными в пучок листьями, растет на склонах, старых стенах, в тени (Трав. раст. I, 173—174) и, следовательно, в данном контексте также совсем неуместно. Русское название *ситовые* относится к двум болотным растениям — уже упоминавшемуся озерному камышу *Scirpus lacustris* L. и к растению *Vetulus umbellatus* L. (Даль IV, 166), другое название которого — сусак зонтичный (Трав. раст. I, 202). Может быть, поэтому оно было изменено в «Назирателе». Однако кроме «Назирателя» мы нигде больше не встретили названия *ситова трава*. Можно предположить, что имеется в виду растение *ситник, ситовник* — *Juncus* L. (Даль IV, 166; Трав. раст. I, 284—285), различные виды которого растут на сырых местах, около дорог, на заболоченных лугах (ср.: Doroszewski VIII, 241 — *sitowaty*). В латинском тексте, действительно, упоминается такое растение — *juncum* (Кр. 1486, 31). А быть может, *sitowie* — это собирательное название трав, растущих на влажных лугах, и то же значение имеет сочетание *ситова трава*. Следует заметить при этом, что в латинском тексте есть еще одно упоминание болотного растения — *salatum* (Кр. 1486, 31), которое в польском тексте не было переведено отдельно (*salamus* 'камыш, тростник' Дворецкий, 144).

Не является ли собирательным и следующее в этом ряду название *кониковга* (konikowie, Кг. 1549, 139)?

В польском, украинском, белорусском и в русском языках множество названий растений с основой *kop'*-, *kop-* (*kon'*-), но того, которое представлено в «Назирателе», и его соответствия мы среди них не находим.

В современном польском языке все такие названия связаны с растениями одного рода — *Trifolium* L., т. е. с разновидностями клевера: *koniczyna* — *Trifolium* (Doroszewski III, 917), *koniczyna biała* — *Trifolium repens* (там же), клевер ползучий (Трав. раст. I, 470), *koniczyna skarłatna* — *Trifolium incarnatum* (Doroszewski III, 917), *czerwona koniczyna* — *Trifolium pratense* (там же), клевер луговой (Трав. раст. I, 471). По более ранним источникам известны также *koniakowka* — *Coronilla securidaca*, вязелец (Потоцкий, 246; ср. *Coronilla* — вязель, Трав. раст. I, 479), *konienka* — *Epithymum cuscuta*, павилица, повилица (Потоцкий, 246; ср. *Cuscuta* L. — повилика, Трав. раст. II, 122) и, наконец, в качестве названия клевера было известно *koniczewie* (Потоцкий, 246), которое по типу образования приближается к названию, представленному в Кг. 1549.

Русские названия с основой *kon'*- относятся к клеверу и к другим растениям, однако иным по сравнению с польскими. Больше всего таких названий находим в Словаре В. И. Даля (II, 396): *конёвник* — трилистник, дягельник, *Trifolium pratense* (клевер луговой — *Trifolium pratense* L., Трав. раст. I, 471); *коняк* ряз. или *конятник* тул. орл. — конский щавель, *Rumex acutus*, то же *конюшйна* (ср. щавель густой или конский — *Rumex confertus* Willd., Трав. раст. I, 323); *конекбвка*, *коняковка* — растение *Vicia sativa* — кормовой, мышиный горошек (горошек посевной — *Vicia sativa* L., горошек мышиный — *Vicia cracca* L., Трав. раст. I, 484) и, очевидно, в том же значении, что и польское *koniakowka* — *Securigera coronilla*, растение из рода Вязель; *коника* — чернобыль, быльняк (ср.: полынь обыкновенная, чернобыльник — *Artemisia vulgaris* L., Трав. раст. II, 225); *конница* — истод (*Polygala* L., Трав. раст. II, 17). Все эти травы — полевые растения и, может быть, каждое из них могло быть упомянуто в приведенном выше контексте. Однако польское *konikowie* следует все-таки считать названием одного вида или совокупности различных ви-

дов клевера, так как его соответствие в латинском издании 1486 г. — *trifolium*. То же значение, видимо, и у слова *коникова*, имеющего украинскую морфологическую форму в соответствии с русской *-ие*, *-ье*. Нельзя не заметить, что среди украинских названий трав все названия с основой *kon'* — имеет одно растение — *Trifolium pratense* L., клевер луговой: *konевпук*, *konіч*, *konічупа*, *konуч*, *koñaчупа*, *koňatупа*, *koňучупа*, *koňушка*, *koňушупа*, *koňутупа* (Маковиеcki, 377).

Следующее в рассматриваемом контексте — *сляз*, польск. *slaz* (Кг. 1549, 139), лат. *malva* (Кг. 1486, 31). Такое соответствие польского и латинского названия вполне закономерно и подтверждается словарями (Потоцкий, 568). Русскому языку название хотя и не известно, но было употребительно в украинском — *Malva rotundifolia* L., *slaz prostyj* (Маковиеcki, 224) и знакомо современному белорусскому — *Malva excisa*, мальва вырезанная, *сляз*, *шляз*, паливая рожа (Киселевский, 81), *Malva crispa* L., мальва кучаравая, *шляс* (Киселевский, 81). Распространенное в русском название растений этого семейства — *просвирник* (Флора СССР XV, 31, 41; Трав. раст. II, 22, 23), *просвирняк*, *проскурняк* (Даль III, 1332). Последнее очень напоминает употребленное в «Назирателе» рядом со словом *сляз* — *проскурки*. Это название было отмечено украинскими ботаническими словарями как распространенное в местах близ Киева, Одессы, Херсона (*Malva rotundifolia* — *proskurky*, Маковиеcki, 224) и шире — на юго-западе России (*проскурень*, *проскурки* — растение просвирки, *Malva rotundifolia* L., Пискунов, 217), ср. белорусское *проскурник* (Носович, 528). Следовательно, слово *проскурки*, которому нет отдельного соответствия ни в польском, ни в латинском тексте труда Кресценция, служит в «Назирателе» как бы для разъяснения, уточнения названия *сляз* и не обозначает никакого нового по сравнению с ним растения.

Среди трав, указывающих на хорошую плодородную почву, упоминаются *стрѣлки*, польск. *strzałki* (Кг. 1549, 139), *strzałka Sagittaria* (Потоцкий, 588). В. И. Даль отметил аналогичное русское название этого растения «*стрела*, растение *Sagittaria* . . . , со стрелчатым листом; водяная стрела, совиная стрела» (Даль IV, 590). Ныне это растение называют *стрелолит* (Трав. раст. I, 201). С названием из «Назирателя» почти совпадает одно из

украинских названий, среди которых также отмечены *стрелоліст* и *стріла* — *striłka*, *striłka vod'ana*, *Sagittaria sagittifolia* (Makowiecki, 322), стрелоліст обыкновенный или стрелолістный (Трав. раст. I, 201).

Вслед за стрелолістом названо растение, также не сохранившее прежнего названия, — *свиная вошь*, польск. *swinia wesz* (Кг. 1549, 139), лат. *cicuta* (Кг. 1486, 31). Польское название находим и в словарях: *swinia wesz*, *cicuta* (Потоцкий, 596). Ядовитое растение, известное тем, что приготовленная из него отравка была выпита Сократом. Оно имеет множество названий, в которых отражены свойства этого растения. В украинском, например, отмечены *bedryneć*, *bešenića*, *blekit*, *blekota*, *bołyhołow*, *bołyhołova*, *cykuta*, *durička*, *jaroš*, *parisnyk*, *smertelnyk*, *šalič*, *vex*, *vexa*, *veš*, *vix*, *vixa*, *vjuha*, *vomyh*, *vomyha*, *vyha* — *Cicuta virosa* L. (Makowiecki, 97). В русском наиболее распространено *вех* (Флора СССР XVI, 376; Трав. раст. II, 64). Названия *омег*, *болиголов* относятся к другому растению из того же семейства зонтичных, тоже ядовитому, — *Conium* L. (Флора СССР XVI, 225; Трав. раст. II, 57), что вызывает их путаницу, когда название *омег* употребляют по отношению к растению *Cicuta* (см., например, Потоцкий, 596). Такое взаимозамещение встречаем и в Словаре В. И. Даля: «*веха*, *вех* — растение *Cicuta virosa* сем. зонтичных, крикун, *вяха* (*вяха* также *Conium*), *омег*, *водяная бешеница*, *омежник*, *мутнік*, *горіголова*, *кошачья петрушка*, *собачий дягиль*, *свиная вошь*» (Даль I, 462). Но гораздо важнее, что здесь среди русских названий находим *свиная вошь*, употребленное в «Назирателе». Это позволяет считать его не калькой с польского, а самостоятельным названием, некогда принятым и в русском языке.

Далее названо широко распространенное растение *щавей*, польск. *szczaw* (Кг. 1549, 139), которое в известном нам латинском тексте не упоминается. Польское название по форме совпадает со старославянским *щавь*, которое могло еще быть знакомо и в XVI в. Но оно на л. 162 было заменено на форму *щавей*, которая отмечается словарями как областная — костромская (Даль IV, 1491; Преображенский, 113). Среди украинских названий растения *Rumex* L. встречаются аналогичные: *щавій* (Біл.-Пос. 403; Тимченко II, 254; Makowiecki, 319), *щавій* (Преображенский, 113), *ščevij* (Makowiecki, 319), но в белорусском

как раз то, которое встречаем на л. 162 «Назирателя»: *Rumex acetosa* L., щавель обыкновенный (или щавель кислый — Трав. раст. I, 322) — *щавей* (Киселевский, 114). Можно думать, что именно белорусская форма представлена и в «Назирателе», если эта форма не была в XVI в. свойственна русскому литературному языку. При первом упоминании этого растения на л. 94 об. форма *щавью* может быть осмыслена как калькированная с польского, *щавью* — *szawiu* (Кр. 1549, 81), и как регулярная форма род. ед. от слова *щавей*, более свойственная, однако, не русскому, а украинскому языку.

В «Назирателе» упомянуто еще несколько травянистых растений, названия которых очень близки к польским. Два из них — *саксифрага*, или *ламикамень*, и *шалвия* упоминаются без какой-либо оценки их качеств. Несколько других — *роевник*, *корияндр*, *польный огурец*, «*гралеги*» — называются в связи с их полезными свойствами.

иные ж мѣста сице гороватые тако же и ровные. вѣчне бывають неплодоносные. се же полонинами дичью или соленым мѣстом нарицають. ибо сицевые сланые и песчистые бывають так что в них сѣхота превосходитъ и высѣшает всю мокротѣ. песокъ же на сицевых мѣстах бываеть зѣло жидкїи и мѣлкїи что пепель. такъ что одна часть дрѣгие не держитса, и сего ради ни едина мокрота не возможет в немъ содержатися. егда абие ю вытягнеть тепло слѣчное. и сице ни едины дрѣвеса ниже травы тамо не возмогѣть быти. точию тѣ иже сѣть немощные или мѣлкїе какъ то есть *саксифрага* травка. сїрѣчь *ламикамень* реченнаа (л. 158 об.—159), польск. *saxifraga ziele* | *to iest łamikamień* (Кр. 1549, 136), лат. *saxifraga* (Кр. 1486, 30 об.) — *Saxifraga* L., камнеломка (Трав. раст. I, 442). Плиний и другие античные авторы называли так и другое растение — *Adiantum* L. (Трав. раст. I, 170), «которое камни в теле превращает в порошок» (Ананьев, 753). Подобное же определение растения *saxifraga* находим в Лексиконе Мончинского: «*Saxifragum & Saxifraga uel Saxifragia, Lamikámień ziele niezákíe calculum albo kámíeń łamiące*» (Lex. Mącz. 370). Названия этого растения и в других языках переведены с латинского: *Steinbrech* (Saftenberg, 64), *каменяломник* (Киселевский, 118), *камеломом vsezełenyj* (Makowiecki, 332). Сравнение этих названий даст основание считать, что в «Назирателе» мы встре-

чаем все-таки два заимствованных названия, латинское и польское, которые не были переведены на русский язык.

Точно так же не переведенным с польского на русский можно считать название *шалевя* — шалфей, *Salvia* L. (Трав. раст. II, 153): а инымъ травам вершки сымают, хто их хочеть зеленые и без сѣмениа держати чтобы в' глѣб не выросли. какъ то есть петрѣшка *шалвиа*. но коли на лѣкарство тогды збирають ихъ в тѣ поры коли приидѣт къ прямой мѣре ростѣ своего до коих мѣсть не начнѣт цвѣсти. или до коих мѣсть цвѣтъ не упадетъ. (л. 195). Название это известно не только в польском (*salvia, szálwiça* — Lex. Maçz., 365; *szałwia, szałwja* — Потоцкий, 599), но также в белорусском (*шалевя, шальвѣя* — Киселевский, 117) и украинском (*šalvija, šaļvija* — Makowiecki, 327).

Спротивъ червѣм костаницам добро есть коли сѣма бѣдет смоченое в' сокѣ роевниковымъ преже нежели бѣдетъ сѣяно (л. 194), польск. *rojoownikowym* (Kr. 1549, 203). Польское название относится к двум растениям: *пчельник* — *медовка*, *Melissa hortensis* (Потоцкий, 532), и *молодило*, *Sedum* (Потоцкий, 541); хотя русское название *молодило* соответствует растению *Sempervivum* L. (Трав. раст. I, 438), а растения рода *Sedum* L. называют *очиток* (Трав. раст. I, 439). Однако среди украинских названий этого рода растений отмечены как *очиток*, так и *молодило*: *Sedum acre* L., *очиток*, *молодень*, *гонец*, *чистик*, *расходник*, *мошнач*; *Sedum Telephium* L., *заячья капуста*, *заячья рассада*, *молодило* (Рогович, 28). Русское же название *заячья капуста* применяется, как можно предположить, по отношению к другим растениям: *Sedum purpureum* L. Schult. *очиток* *пурпурный*, *заячья капуста* (Трав. раст. I, 440); *Turris glabra*, *молодѣка*, *вяжечка*, *адалимъ?*, *заячья капуста*, *пужник* (Даль 1955, II, 332). У нас известно и растение *мелисса*, *лимонная мята*, *Melissa officinalis* L. «многолетнее растение семейства губоцветных. Встречается в некоторых южных районах, часто возделывается на огородах. В траве содержится эфирное масло с запахом лимона, применяемое в парфюмерии. . ., в ликерном производстве и в пчеловодстве для привлечения пчел. Трава имеет противогнилостные свойства и используется иногда в домашнем хозяйстве для консервирования продуктов. Очень ценный медонос» (Энци. с.-х., 477). В соответствии с этими качествами оно истари

имело и другие названия — *медовка, маточник, пчельник* (Даль II, 824). Среди украинских названий этого растения достаточно употребительным является и то, которое мы встречаем в «Назирателе»: *Melissa officinalis L.* — *rośeluna trawa, rojevnyk, rojnyk, rojovuk* (Makowiecki, 229).

Какое же из названных растений имеется в виду в «Назирателе»? В латинском тексте в данном случае нет ни одного из упоминавшихся, принятых в современной номенклатуре латинских названий — там названо растение *sanguine egiusa* (Кг. 1486, 78) 'красная капуста', так как *egiusa* — «разновидность дикой капусты, предположительно *Brassica egiusa L.*» (Дворецкий, 377). Можно ли соотнести название *роевник* с этим растением, или в польском и русском текстах речь идет о другом растении на основании лишь этих трех текстов, с уверенностью сказать нельзя. Можно лишь обратить внимание на то, что этот контекст был, очевидно, малопонятен переписчику, который допустил в нем искажение: можно думать, что слово *костяницам* появилось в результате переосмысления написания с пропуском слога из *капустяницам*. В латинском здесь *contra egiusas* (Кг. 1486, 78), где *egiusa* — 'капустная гусеница' (Дворецкий, 377), в польском текст расширен, но и обобщен: *przeciwko mszyczam η też wasienniczam* 'против тлей и гусениц'. Переводчик на русский как будто уточняет текст по сравнению с польским. Знал ли он достаточно хорошо предмет описания или имел перед собой также для справок и латинское издание труда Кресценция?

Восходит к латинскому тексту также калькированное вначале в польском, а затем в русском переводе название *польный огурец*. Это растение рекомендуется как средство против мышей, кротов и червей: *против мышам, или против кротомъ добро есть держати кошки в огороде, или ласицѣ недикѣю. а иные извѣстнѣю засыпають дыры которыми ходять. или сокомъ полныхъ ѡгѣрцовъ* (л. 194 об.), польск. *sokiem polnych ogorkow* (Кг. 1549, 204), лат. *succo agrestis cucumeris* (Кг. 1486, 78). сказывают иные что всякой хлѣбъ такъ ѡгородный что и полевый бываетъ содержаны ѡмъ всякого вредения червей, коли напередъ сѣмя его помочено въ сокѣ полныхъ ѡгѣрцовъ. и коли бы корепъ ихъ былъ межъ него втертыи и в'сыпаныи (л. 194 об.), польск. *w soku ogorkow polnych* (Кг. 1549, 204), лат. *agrestis cucumeris* (Кг. 1488, 78).

Мы не можем назвать какого-либо иного растения, кроме того, на которое указывает В. И. Даль: полевой огурец, сиб. *Vincetoxicum sibiricum*, степной огурчик (Даль II, 1668), впрочем, безо всякой уверенности, что именно это растение упоминается в «Назирателе».

Еще одно полезное растение, которое обладает противогнилостными свойствами: иные люди мѣшают листие **кориандровые** меж хлѣбъ который хотят долго держати и прятати (л. 176 об.), польск. *lisie koriandrowe* (Кг. 1549, 152), лат. *coriandri folia* (Кг. 1486, 32 об.). Широко распространенное в качестве пряности растение *кишнец посевной*, *кинза*, *киндза*, *Coriandrum sativum* L. (Трав. раст. II, 54). Растение упоминается уже в сочинениях Катона, Колумеллы, Плиния (Ананьев, 228) и у средневековых авторов (Du Cange II, 562). Родиной его было Средиземноморье, откуда оно распространилось в средней и южной Европе, прежде всего из-за плодов, которые содержат эфирное кориандровое масло. Разводится оно и в нашей стране, но легко дичает и встречается часто как сорное в огородах и посевах (Флора СССР XVI, 184). У нас оно было более известно под названием *кишнец* (Даль II, 280, 418), в белорусском и украинском еще и *коляндра*: *каляндра пасяўная* (Киселевский, 40), *koladra*, *kolandra*, *kolendra*, *кушнец*, *trojan*, *воиуце зиле* (Makowiecki, 109). Написание этого названия в «Назирателе» отражает, по-видимому, один из польских разговорных вариантов: *koryjander*, *korijandr* (Sł. stpol. III, z. 5/18), (*kolender*) *kolijandr*, *korijander*, *korijandr bot.* *kolendra siewna*, *Coriandrum sativum* L. (Sł. stpol. III, z. 4/17).

Наконец, следует упомянуть растения, которые рекомендуются использовать в севобороте для повышения плодородия почвы. Поскольку их названия, как они даны в «Назирателе», вызывают некоторые затруднения при отождествлении их с теми или иными растениями, приведем отрывок текста достаточно обширный, чтобы легче было представить себе условия, в которых возникает потребность в этих растениях:

Общее то дѣло во италианской землѣ. что расѣмные земледѣлатели для нагноения, земли сѣютъ бобѣ. а иногда рѣпѣ на ниве издѣлан'ной и приготовленной уже къ сѣянью, или зашриваючи стерниѣ ковшъ или ковшѣ два и три того то сѣмене в'сыпают. и землю покривают. после въ мѣсе ав'густе застѣпали (вм. застѣпами) подкопывают

и зацравши пш҃гом тамъ рожь сѣють на зимѣ. и такъ на
 пришлое лѣтѣ збираютъ хлѣба множество. иные ж во
 италиѣнской землѣ для такового нагноенія сѣютъ сѣмена
 которые тамо называютъ **равиона** толстыѣ. или **гraleги**,
 и такъ прицраваютъ. (л. 96 об. — 97), польск. drugdzie we
 włoszech dla takowe[go] nagnoienia sieiā nasienie ktore tam
 zowā **Rawicia** mięsza abo też **Gralega** a tak przioruiā (Kr.
 1549, 82), лат. Mediolane[n]ses vero seminant raucias spis-
 sas [et] cum creuerint eas euertunt. Alij aute[m] serunt
gralegam [et] euertu[n]t. . . (Kr. 1486, 21).

Из латинского текста, который отличается здесь по
 сравнению с русским и польским ббльшей конкретностью,
 и где указывается, что этот способ удобрения земли рас-
 пространен у жителей города Медиолана (ныне Милана),
 следует, что речь идет не об одном, а о двух разных расте-
 ниях. В названии первого можно предположить лишь
 описку — *равиона* вм. *равици*. Может быть, это местное
 итальянское название, так как среди латинских названий
 растений его не находим.

Второе название — «*гraleги*» — можно отождествить
 с общепринятым латинским названием многолетних трав
 из семейства бобовых *Galega L.* В частности, одна из них,
Galega officinalis L., галега лекарственная (Трав. раст. I,
 474), была известна в качестве сельскохозяйственной куль-
 туры в средневековой Италии, на родине П. Кресценция¹².

Таким образом, большая часть названий — заимство-
 вания из польского или через польский — *лебеда*, *кони-
 кови*, *ламикамень*, *коряндр*, *цицер* (*цедыр*) *влоский*, *лопан*
 (*копан*), *хебд* (*хлѣбъ*), кальки с польского — *репей вели-
 кий*, *ситова трава*, *польный огурец*. Сохранены также
 польские названия, общие с украинскими и белорус-
 скими — *шалвия*, *связ*, или с русскими — *свиная вошь*.
 Как правило, при переводе с польского на русский сохра-
 нялись латинские названия — *борага*, *саксифрага*, *гра-
 леги*. Вместе с тем среди названий трав встречаем рус-
 ские — *лебеда*, *мята*, *репей*, украинские — *роевник*,
стрелки, есть названия растений, встречающиеся как
 в русском, так и в белорусском языках, — *щавей*. Соб-
 ственно белорусских слов среди названий трав не встре-
 чаем.

¹² Агркультура в памятниках западного средневековья. М.—Л.,
 1936, с. 270.

Принятые сокращения

- Ананьев — Полный латинский словарь, составленный . . . Ананьевым, Яснецким и Лебединским. М., 1862.
- Біл.-Нос. — *Білецький-Носенко П.* Словник української мови. Підгот. В. В. Німчук. Київ, 1966.
- Варш. сл. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. I—VIII. Warszawa, 1904—1927.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. I—IV. СПб.—М., 1912—1913.
- Даль 1955 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
- Дворецкий — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976.
- Киселевский — *Киселевский А. И.* Латинско-русско-белорусский ботанический словарь. Минск, 1967.
- Носович — Словарь белорусского наречия, сост. И. И. Носовичем. СПб., 1870.
- Пискунов — *Пискунов Ф.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан . . . 2-е изд. Киев, 1882.
- Потоцкий — Словарь польского и русского языка, сост. . . . Фр. Потоцким. Ч. I — польско-русская. 2-е изд. Лейпциг, 1877. Парал. тит. л. на польск. яз.
- Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь, русского языка. М., 1910—1914; окончание — Труды ИРЯ, т. I. М., 1949.
- П.-р. сл. — Польско-русский словарь. 4-е изд. Под ред. М. Ф. Розвадковской. М., 1955.
- Рогович — *Рогович А. С.* Опыт словаря народных названий (растений) юго-западной России. Киев, 1874.
- Станков, Талиев — *Станков С. С., Талиев В. И.* Определитель высших растений СССР. 2-е изд. М., 1957.
- Тимченко — *Тимченко Е.* Русско-малороссийский словарь. Т. I. Киев, 1897; т. II. Киев, 1899.
- Трав. раст. — Травянистые растения СССР. Т. I—II. М., 1971. Авт.: Ю. Е. Алексеев, В. Н. Вехов, Г. П. Гапочка, Ю. К. Дундин, В. Н. Павлов, В. Н. Тихомиров, В. Р. Филин.
- Флора СССР — Флора СССР. Т. I—XXX. М.—Л., 1934—1960.
- Энци. с.-х. — Энциклопедический сельскохозяйственный словарь-справочник (краткий). М., 1959.
- Doroszewski — Słownik języka polskiego. Red. nac. Witold Doroszewski. T. I—XI. Warszawa, 1958—1969.
- Du Cange — Du Cange. Glossarium medie et infimae latinitatis. Bd. I—X. Переиздание: Graz-Austria, 1954.
- Кр. 1486 — Opus ruralium commodorum Petri de Crescentijs. Strassburg, 1486 (БАН, I-182).
- Кр. 1549 — Piotra Crescentyna Księgi o gospodarstwie, y o opatrzeniu rozmnożenia rozlicznych pożytkow, każdemu stanowi potrzebne. Kraków, 1549.
- Кр. 1571 — Piotra Crescentyna o pomnożeniu y rozkrzewieniu wszelákich Pożytkow, Książ dwoienasćie. . . Kraków, 1571.
- Кс. rat. — Księga ratunkow zdrowia y inszych rzeczy potrzebnych. XVII—XVIII вв. Львовская гос. науч. б-ка. Ф. Осс., № 1991 I.

- Lex. Mącz. — Słownik łacińsko-polski ułożony na podstawie najlepszych pisarzy łacińskich przez Jana Mączyńskiego. . . W r. 1564.
- Linde — *Linde M. S. B.* Słownik języka polskiego. Wyd. 3. Warszawa — Poznań, 1951.
- Makowiecki — *Makowiecki S.* Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Zebrał i ułożył w latach 1877—1932 Stefan Makowiecki. Kraków, 1936 (Polska Akademia umiejętności. Prace Komisji językowej № 24).
- Podbielkowski — *Podbielkowski Z.* Słownik roślin użytkowych. Polski-łaciński-angielski-francuski-niemiecki-rosyjski. Wyd. 2. Warszawa, 1966.
- Saftenberg — *Saftenberg F.* Botanisches Wörterbuch. Leipzig, [1965].
- Śl. stpol. — Słownik języka staropolskiego. T. I—VII. Kraków, 1954—1974.